

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка

Сборник научных статей
к 75-летию лауреата Государственной премии СССР,
доктора филологических наук, профессора
Алексея Петровича Грощо

СЛОВО ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник научных статей

к 75-летию лауреата Государственной премии СССР,
доктора филологических наук, профессора
Алексея Петровича Грощо

Грощо

Минск 1999

в изучении предложения — культурологического. При культурологическом аспекте исследования синтаксических единиц уясняется влияние национально-культурного фактора, под которым подразумевается прежде всего менталитет народа, на семантику и формальную организацию предложения. Национально-культурный характер лингвистических единиц ярко проявляется при рассмотрении их функционирования в нескольких языках, в частности — русского и белорусского как близкородственных.

Сопоставительно-культурологический подход, на наш взгляд, наиболее оправдан по отношению к предложеньям-пословицам, так как именно в пословицах народ "высказывает себя живее и сильнее, нежели все описания посторонних наблюдателей" (3, 22). Пословица "основывается на фонде знаний слушающего и говорящего, то есть имеет ярко выраженный национально-культурный фон" (4, 115).

Остановимся на пословицах, организованных по типу обобщенно-личного простого предложения. Данные конструкции отличаются тем, что их применительно к обобщенному лицу" (1, 45) иными словами, применительно к каждому субъекту.

В качестве главного члена обобщенно-личных предложений в русских и белорусских пословицах, как показали наши наблюдения, выступают глагольная форма второго лица единственного числа будущего времени (*Счастья алтынном не купишь; На тару долі не купиш*); форма единственного числа повелительного наклонения (*Не в свои сани не садись; Не лезь на чужое седло*);

форма третьего лица множественного числа настоящего времени (*В чужой монастырь со своим уставом не ходят; З саёю цанюю на кірмаші не едць*).

Перечисленные формы, выражая обобщенное значение, дают любому лицу, оказавшемуся в той или иной ситуации. В этом заключается один из признаков пословицы как жанра фольклора.

В языке русских и белорусских пословиц часто встречаются обобщенно-личные предложения. Этот факт объясняется, с одной стороны, жанровой природой пословицы, а с другой, — универсальными чертами двух восточнославянских народов, обусловленными общностью их исторических судеб.

Как известно, национальный характер отражается в содержании пословиц. Так, пословицы *Одной рукой и узла не завяжешь; Аднымі рукамі намнога зробіш* позволяют говорить о том, что русскому и белорусскому народу присуще стремление растрворить свое "я" в обобщенном "мы". Они подтверждают широко распространенное мнение, что преобладающими чертами названных этнических общностей являются скромность и сдержанность. Эти черты находят отражение не только в содержании

пословиц, но и в их форме. Отсюда — преобладание в русских и белорусских пословицах обобщенно-личных предложений, в которых внимание сосредоточено на самом действии, а не на его исполнителе. Субъект действия в них представляется как обобщенный, а не называется конкретно. Причем в "форму обобщения облакаются нередко чисто личные факты, носящие глубоко интимный характер" (2, 375): *Вслед за милым не нагоняешься; У дзюжках свіеточы не будзеш радавацца*.

«Обобщенно-личное предложение как структура восточнославянского национального мышления, — справедливо замечает Л. Н. Чумак, — является тем мостом, тем элементом, который своеобразно соединяет личное с общим, субъективное с объективным» (4, 113).

Таким образом, некоторые черты национального характера, о которых речь шла выше, в той или иной степени отражаются в семантике и формальной организации русских и белорусских пословиц.

1. Бабайцева В.В. Одноосновные предложения в современном русском языке. М., 1968.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
3. Снетгирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Н.Новгород, 1996.
4. Чумак Л.Н. Синтаксис русского и белорусского языков в аспекте культурологии. Мн., 1997.

Л.А.Прохорчик
(Минск)

«ЖИТИЕ» АВАКУМА КАК ПАМЯТНИК РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ XVIII ВЕКА

XVIII век — переломная эпоха в истории русской культуры. Целый комплекс противоречивых факторов определял условия развития русской культуры на данном этапе: крестьянские войны, централизация Московского государства, юридическое закрепощение крестьян и посадского люда (Сюрьмо Уложение 1649 г.), николаевская реформа церкви и вызванное ей широкое движение (Раскол) — все это наложило отпечаток на развитие русского языка и литературы.

Русская литература в XVIII в. вступила в период небывалого подъема. В литературу все настойчивее вторгается реальная жизнь, современная тематика и проблематика. Произошла значительная жанровая дифференциация русской литературы. Трансформация житийного жанра, начавшаяся в предшествующие столетия, завершилась в XVIII в. возникновением повести-жития (биографической повести). Яркий пример тому — «Житие протопопа Авакума, им самим написанное».

XVIII в. — период формирования русского национального языка. Именно с этого времени разговорный язык получает доступ в письменность и даже в агиографическую литературу. Обогащение лексики русского литературного

языка словами просторечными, характерными для разговорной речи, занимает важное место в языке "Жития" Авакума. Лингвисты (Потебня, Соболевский, Шахматов, Виноградов и др.) в один голос говорили об исключительном значении "Жития" для истории русского языка; историки литературы (Тихонравов, Венгеров, Бороздин и др.) - о яркости его стиля.

"Житие", созданное во время ссылки в Пустозерск, Авакум в течение 1672-1674 гг. перерабатывал три раза. Из этих редакций две редакционные "Жития" дошли до нас в автографах Авакума в составе старообрядческих сборников, составленных в 1670-х годах в Пустозерске. Нами исследуется текст Пустозерского сборника И. Н. Заволоко.

Автобиография Авакума, написанная им в форме жития, нарушила каноны агнографической литературы, значительно реформировала житийный жанр. Важную особенность текстов житий отметил известный историк В. Ключевский: "Житие по существу своему состоит из двух элементов совершенно различного происхождения и свойства: это ораторское произведение, церковная проповедь, предметом которой служат те же религиозно-нравственные истины, как и в простом церковном слове, но рассматриваемые не в отвлеченном анализе или при историческом приложении, а на известных исторических лицах и событиях" (5, 255). Однако в "Житии" Авакума автор и герой агнографического повествования объединены в одном лице, находясь в центре всех событий, описываемых в повествовании. Разрушая композицию традиционного жития, Авакум предлагает читателям историю своей реальной жизни с широко развернутым историческим и политическим фоном. В "Житии" Авакума сталкиваются два принципиально группировки эпизодов: старый - житийно-тематический и новый - реалистический биографический. Содержание произведения обусловило и своеобразие языка.

Написанное в форме сказа, дружеской беседы, "Житие" Авакума отражает особенности развития русского языка в XVII веке. Сам автор определяет свой стиль как «просторечие» и «вяканье»: "... не позарите просторечью нашему, понеже люблю свой русской природный язык, виришии философскими не обыкь р бы красить, понеже не словес красных б(о)гь слушает, но д бь наших хочет ... того ради я и не брезу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго" (4, 112).

Слово «просторечие» было заимствовано у Авакума и стало лингвистической категорией, содержание которой изменялось по мере развития русского литературного языка. Под «просторечием» Авакума следует понимать простую, «неукрашенный» стиль, одним из признаков которого было преобладание простонародной речи над языком церковнославянской книжности. В «просторечие» входило все: общерусская речевая основа, не подвергшаяся литературной обработке, и вся совокупность диалектных средств, т. е. просторечие было понятием

недифференцированным. Согласно В. В. Виноградову, «просторечие» «противополагается «красноречию», а не вообще церковнославянскому языку. Очевидно, в понятии просторечия сочетались стили разговорно-бытового русского языка, не имевшие тогда устойчивых норм...» (3, 42). «Сплетение двух форм стиля» - формы сказа и проповеди - обусловило и столкновение в одном произведении церковнославянской и разговорной лексики. Разговорная лексика свойственна всем действующим лицам «Жития». Расслоение лексического состава произведения на зоны высокой или низкой стилистической маркированности обусловлено содержанием, идейно-художественным своеобразием конкретных эпизодов. Так, церковно-книжная лексика преобладает в «проповедях» Авакума; народно-разговорная речь, стиль «вяканье» характерны для «исповедей» автора, связанных с изображением реальной действительности (скитания Авакума, описания художого жития русских людей и др. эпизоды).

Просторечие, нашедшее отражение в "Житии" Авакума, разнообразно по своему составу. Наши наблюдения показали, что автор с одинаковым успехом использует как просторечные слова и выражения, так и разговорные синтаксические конструкции и средства художественной образности. Наибольшей частотностью обладают просторечные глаголы, которые, по словам Н. Греча, "придают речи жизнь", например: "Аз же сволока к Москва, и б(о)жию волею г(о)с(уд)а(р)ь меня вельзь поставит(с)я въ Юрьевеур Повол(ь)ской в протопопи" (4, 21); " Однако ужь развакался, - еще вам повьсть скажу" (4, 66); " Юноша свѣтъ, на кормъ сидя, править, бъжит ко мнѣ из-за Волги, яко пожрати мя хочет" (4, 19). Взятые в непрямом, переносном значении, общеупотребительные глаголы в "Житии" Авакума меняют свою стилистическую окраску и переходят в состав просторечия: "Сказали ему, что я молюся так, - и онъ лише издаде в тѣ поры меня" (4, 39); " Но дрьзутся еретики, что собаки, а без б(о)жьи воли проглотить не могутъ" (4, 41).

Среди имен существительных, относимых к просторечию, обращают на себя внимание номинации людей, обозначающие человека по полу: "И бабы бы и, рычагами, гобь ради моих убили замертва и бросили под избой угол" (4, 22); " Ск чюд(у)шничавъ, она, осердяс(с)я на меня, посла робенка к шепт у-муж д" (4, 37). Данные лексемы баба и мужик употреблены в "Житии" с яркой оценкой фамильярности, презрения и пренебрежения. Описывая свою жизнь, свои переживания, Авакум употребляет слова горюн, горемыка - просторечная коннотация которых заключена в семантической структуре слова: " Протопопа Авакума бъжню горемыку в то время с прочими в собрной ц(е)ркви власти остригли и на Урьше в темницу, проклинавъ, бросили" (4, 14); " Я, заплакавъ, бл(а)гословил его, горюна: бол(с)ши твое нъ чье мнѣ дъм(с)тъ; то бъдет с ним б(о)гъ" (4, 46).

Написанное живой разговорной речью, "Житие" Аввакума не могло не отразить функционального характера народной фразеологии, передающей яркость черт национального характера и неповторимый колорит русского языка: "А мать за то сидит с ними, чтоб вперед(ь) дзлей похваляла Христа ради умирати... (4, 56). В произведении Аввакума широко представлены просторечные сравнения, являющиеся одной из форм отражения действительности и передающие авторское отношение к изображаемому: Ухватил меня и учал бит(ь) и драм(ь) и всяко, яко парчину, терзает меня, а сам говорит: "Попал ты в руки мнѣ!" (4, 65); "Как ис Пафрут(ь) ва м(о)н(а)ст(ь)ря привезли меня к Моск(ь)е, на подворье поставя, многажды водили в Чюдоев, грядился, что ссала, со мною власти" (4, 52). Следует обратить внимание, что сравнения у Аввакума занимают постпозитивную позицию и при учете смысловых связей савненн с содержанием контекста, его экспрессивно-стилистическими особенностями вызывают у читателя известные в общенародном языке ассоциации.

Автобиография Аввакума, написанная в форме жития, традиционно должна быть написана книжным, церковнославянским языком, наличие же в ней просторечных слов приводит к столкновению разных элементов в повествовании: "Онъ меня ласть, а я ему говорю: "Благод(ь)ль(ь) во истинѣ твоих, Иванъ Родионович, да будет" (4, 19). Стилистически этот речевой контраст возникает при противопоставлении просторечного языка, а коннотативный компонент которого возник на основе вторичного минимизации и торжественно-книжного выражения. Это лишь некоторые моменты, характеризующие особенности функционирования просторечия в "Житии" Аввакума.

Таким образом, просторечие у Аввакума является стилистическим приемом, обуславливающим своеобразие его стиля. Устранение резкой семантической границы между церковно-книжной и просторечно-разговорной лексикой, их лексическое и фразеологическое взаимодействие определяют индивидуально-авторский подход к языку жанру "Жития". "Вяканье" Аввакума является, по определению В. В. Виноградова, "бесхитростной импровизацией", передающей народную речь и общие процессы исторического развития русского языка XVII века.

Важность "Жития" Аввакума заключается в том, что оно "лучше других памятников переносит нас в Россию XVII века, от которой мы отошли так далеко и явления которой мы с таким трудом понимаем" (6, 385), показывает стилистическое расслоение русского языка в XVII и особенности его функционирования в произведенных агнографического жанра, а также широкое проникновение живой разговорной речи и просторечия в литературный язык. Проф. А. С. Архангельский отметил своеобразие "Жития": "По необычайной яркости колорита, по

своеобразному, чисто народному языку, это - бесспорно лучшей памяти всей московской литературы XVI-XVII вв. Отличительной чертой памятника является необычайный реализм изображений и языка, часто грубого, "граничащего с цинизмом...". Этот реализм ярко выступает вездѣ, гдѣ автор касается непосредственной жизни, гдѣ он рассказывает о своей судьбѣ, гдѣ бесѣдуетъ съ своими друзьями или поучаетъ ихъ, - во всѣхъ этихъ случаяхъ его стиль становится живымъ, реальнымъ, образнымъ, рѣчь представляетъ богатство свѣжаго народного языка, - какимъ мы встречаемъ его въ непосредственныхъ созданияхъ народа, въ пѣснѣ, пословицѣ" (1, 44).

1. Архангельский А. С. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Литература Московскаго государства (конца XV - XVII вв.). Казань, 1913.
2. Виноградов В. В. О задачахъ стилистики. Наблюдения надъ стилемъ "Житія протопопа Аввакума" // Избранные труды. О языкѣ художественной прозы. М., 1980. С. 3-56.
3. Виноградов В. В. Очерки по исторіи русскаго литературнаго языка XVII-XIX веков. М., 1982.
4. "Житие" Аввакума // Пустозерскій сборник: Автографы сочинений Аввакума и Елифана. М., 1975. С. 11-80.
5. Ключевский В. Древнерусскіе житія святыхъ какъ историческій источник. М., 1871.
6. Соловьев С. М. Чтения и рассказы по исторіи России. М., 1989. С. 384-395.

Т. В. Ратько
(Минск)

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПЛАНА ЯЗЫКА И ПЛАНА РЕЧИ В ИССЛЕДОВАНИИ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Проблема разграничения плана языка и плана речи стоит в лингвистике достаточно остро, причем не только в сфере анализа синонимических отношений, поскольку проблема эта тесно связана с литературной нормой, с нормативностью употребления тех или иных языковых средств. Данная проблема наряду с лексической подсистемой затрагивает морфологию, и словообразование, и синтаксис. Но наибольшее рѣжно, на наш взгляд, разграничивать язык и речь при исследовании лексик и как части ее - синонимов, потому что основа всей лексической подсистемы - слова. Уместность употребления того или иного слова, грамотный подбор синонимов, антонимов, а следовательно, правильная речь - идеал, к которому должны стремиться носители любого языка. Достижению этой цели как раз и способствует умение разграничивать факты языка и факты речи, что, к сожалению, не всегда соблюдается. Наибольшее количество таких, на наш взгляд, ошибок встречается в